Р. Б. АХМЕРОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА БАШКИР ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Башкирские племена впервые упоминаются в известиях восточных писателей IX—X вв. Ал-Масуди (ум. в 956 г.), касаясь причин движения тюркских племен в конце IX в. в Европу, писал, что оно было вызвано борьбой «у моря Гурганча» (Аральского) «между ...четырьмя тюркскими племенами баджнак, баджане, баджгард и наукерде, с одной стороны, и гузами, карлуками и кимаками — с другой». Тот же автор сообщает, что четыре тюркских племени — баджане, баджнак, баджгард и наукерде были соседями хазар и алан и участвовали в войне с Византией за обладание городом Валандаром. По объяснению А. Я. Гаркави и С. П. Толстова первые два названия, упомянутые Масуди, являются вариантами названия печенегов, третье — башкир[1].

Несколько более подробные сведения о башкирах дает ибн-Фадлан (начало X в.) в своих записках о путешествии в Волжскую Булгарию. Он пишет: «Мы оставались у печенегов один день, потом отправились и остановились у реки Джайх... Потом мы ехали несколько дней и переправились через реку Джаха, потом после нее через реку Азхан, потом через Баджа; потом через Самур, потом через Кабал, потом через реку Сух, потом через реку Ка(н)джалу, и вот мы прибыли в страну народа турок, называемого аль-Башгирд»[2].

По свидетельству ибн-Фадлана, башкирские племена тогда были могущественными и воинственными и даже вызывали страх у мусульманских миссионеров. Они почитали двенадцать богов: зимы, лета, дождя, ветра, деревьев, людей, лошадей, воды, ночи, дня, смерти и земли. Кроме того, у них был главный бог — бог неба. Некоторые башкирские племена обожествляли змей, рыб и журавлей.

Интересные сведения о башкирах сообщает историк первой половины X в. ал-Балхи: «Башджарды разделяются на два племени: одно племя живет на самой границе Гузия — то-есть, гузов-куман близ Болгар. Говорят, что оно состоит из 2000 человек, которые так хорошо защищены своими лесами, что никто не может покорить их. Они подвластны болгарам»[3].

Таким образом, из известий арабских путешественников мы знаем, что в IX—X вв. н. э. башкирские племена жили на Южном Урале и расселялись примерно на территории, ныне занимаемой Башкирской АССР. В то время башкирские племена были в близких взаимоотношениях с гузами, печенегами, мадьярами и волжскими болгарами. Более ранних сведений о башкирах (до IX—X вв. н. э.) исторические источники не дают.

---

[1] А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПб., 1870, стр. 148; С. П. Толстов, Города гузов, «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 77.

[2] «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», под ред. И. Ю. Крачковского, М.—Л., 1939, стр. 66.

[3] См. Д. А. Хвольсон, Известия Ибн-Даста, СПб., 1869, стр. 105.

Делая первую попытку выяснения этногенеза башкир на основе анализа археологических материалов, мы отнюдь не претендуем на исчерпывающую полноту освещения вопроса. Придется еще много поработать не только над археологическими памятниками Башкирии, но и над этнографией и, в особенности над историей башкирского языка, для того, чтобы более или менее удовлетворительно выяснить этногенез башкирского народа.

* * *

На территории Башкирской АССР люди жили с древнейших времен. Данные геологии и палеонтологии свидетельствуют о том, что в ледниковый период большая часть Прикамья и Приуралья оставалась свободной от льдов. К этому времени относятся верхне-палеолитические стоянки, обнаруженные в нагорной полосе Южного Урала по р. Юрюзани в пещерах Ключевой, Бурановской, Смирновской, Гребневой и Усть-Катавской II [4]. Исходя из характера находок на палеолитической стоянке у р. Чусовой близ г. Молотова, О. Н. Бадер высказал предположение о вероятности первоначального заселения Урала с востока, т. е. из Сибири, а не из Европы [5].

В последние годы на территории Башкирской АССР обнаружено несколько неолитических стоянок (не считая случайных находок каменных орудий), раскопки и изучение которых дадут очень ценный материал для характеристики неолитической эпохи Южного Урала.

Большой интерес представляют неолитические стоянки, обнаруженные на берегах р. Уфимки в районе устья Юрюзани в 1948 г. во время разведывательной экспедиции Л. Я. Кржевской. Экспедиция выявила такие стоянки у с. Тургенева Байкибашевского района и около деревень Н. Бурунгут и Абзанова Караидельского района. Эти стоянки, расположенные на небольшом расстоянии одна от другой, насыщены каменными орудиями и своеобразной керамикой. Если при этом еще учесть неолитические и энеолитические культурные остатки в пещерах Южного Урала по р. Юрюзани [6], то можно предположить существование Караидельско-Юрюзанской группы неолитических стоянок, относящихся к одной культуре. Дальнейшие археологические раскопки в названном районе дадут возможность выявить особенности этой культуры. Подобным густо заселенным пунктом в эпоху неолита был район р. Чусовой на Урале в нынешней Молотовской области [7].

Вторым по значимости местом неолитических находок в Башкирии является исток р. Исян-Елга около колхоза им. Худайбердина Верхне-Яркеевского сельсовета Илишевского района. Здесь во время торфоразработок в 1946 г. были найдены многочисленные кремневые и костяные наконечники стрел типа шигирской культуры на Урале [8].

Значительно лучше обстоит дело с изучением памятников эпохи бронзы, хотя они также были обнаружены случайно, а не в результате планомерных раскопок. Наиболее ранними памятниками этой эпохи, повидимому, являются каменные полированные топоры, найденные в Улу-Телякском, Иглинском, Архангельском и Туймазинском районах Башкирии. Возможно, к тому же времени относится клад бронзовых

---

[4] С. Н. Бибиков, Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала, «Советская археология», XII, 1950, стр. 75—76.

[5] О. Н. Бадер, Каменный век на Урале, «Первое уральское археологическое совещание», Молотов, 1948, стр. 9.

[6] С. Н. Бибиков, Неолитические и энеолитические остатки культуры в пещерах Южного Урала, «Советская археология», XIII, 1950.

[7] Н. А. Прокошев, К вопросу о неолитических памятниках Камского Приуралья, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 1, М.—Л., 1940, стр. 40.

[8] Р. Б. Ахмеров, Археологические находки в Башкирии, «Краткие сообщения ИИМК», XXXIX, 1951, стр. 120—125.

орудий, найденный в 1945 г. у подножья Долгой горы в Макаровском районе. Находки у подножья Долгой горы важны в том отношении, что некоторые предметы (нож и шило) находят себе аналогию в материалах Левшинской неолитической стоянки Молотовской области. Кроме того, среди этих предметов обнаружен полуфабрикат, свидетельствующий об их местном происхождении [9].

В 1872 г. около дер. Миловки, в 12 км севернее Уфы, на берегу речки у Лазаревого озера был найден клад бронзовых орудий более позднего времени, состоящий из шести бронзовых серпов, топора и долота.

В 1874 г. около г. Бирска, в кургане у р. Белой, были найдены висло-обушный топор, наконечник копья с прорезными перьями и с поперечными косыми насечками, навершие булавы и две бляшки.

В 1950 г. во время дорожного строительства в Стерлибашевском районе около дер. Н. Ибракай, на р. Стерля, была обнаружена стоянка бронзового века, где были найдены 11 бронзовых серпов, кайло, долото, каменные ступки и в большом количестве обломки керамики и кости домашних и диких животных. Уже предварительное ознакомление с керамическим материалом стоянки позволяет говорить о скрещивании двух культур: андроновской и срубно-хвалынской, с преобладанием элементов последней. Такое явление характерно для всех памятников бронзовой эпохи юго-западных и западных районов Башкирии. Таков керамический материал, собранный на стоянке Н. Курмантау Гафурийского района, с зигзагообразной и ромбической орнаментацией. «Скрещение этих культур,— пишет Б. А. Коишевский,— еще более отчетливо обрисовывается в инвентаре могильника у с. Куганак Гафурийского района, где, наряду с характером керамики срубно-хвалынского типа, встречаются сосуды андроновского типа с меандровым орнаментом... могильник у дер. Ябалаклы Чишминского района дает керамику с орнаментом зубчатым штампом в виде наклонных линий по краю венчика сосуда, типичную для срубно-хвалынской культуры. Могильник у дер. Чубук-Каран Бижбулакского района, где М. И. Касьянов в 1938 г. исследовал 8 погребений, дает низкие широкие чаши с плоским дном, так характерные для той же культуры, а также высокие сосуды баночной формы, говорящие о возможности сибирских влияний» [10]. Керамический материал селища Баланбаш на р. Белой близ с. Красный Яр Стерлитамакского района содержит в орнаментации элементы эндроновской культуры Сибири и абашевской культуры Поволжья.

В памятниках эпохи бронзы восточной зауральской Башкирии явно доминируют элементы андроновской культуры.

В ранний железный век в пределах Башкирии развивались параллельно две культуры, соответствовавшие различным этническим группам. В центральных и северных районах Башкирии развивалась культура, почти аналогичная культуре ананьинских племен Прикамья, а в южных и юго-восточных районах одновременно бытовала и развивалась культура савроматов. Такое близкое сосуществование различных культур не могло не отразиться на характере археологических памятников тех времен.

Памятники ананьинской культуры известны в ряде мест северо-западной, северной, северо-восточной и отчасти центральной Башкирии, в частности в виде могильников и городищ на берегах рек Белой и Уфы. Самым ранним из них, очевидно, является могильник, случайно открытый в Уфе в 1950 г. В этом могильнике нами были обследованы два погребения хорошей сохранности. По обрядам захоронения и по най-

---

[9] Р. Б. Ахмеров, Указ. раб., стр. 120—125.

[10] Б. А. Коишевский, Итоги археологического изучения Башкирской АССР, «Историко-археологический сборник Научно-иссл. ин-та краеведческой и музейной работы», М., 1948, стр. 165.

денным предметам данный памятник в основном сходен с памятниками ананьинской культуры Прикамья; некоторые отличия имеются лишь в деталях предметов. Положение костяков свидетельствует о том, что второй похороненный был насильственно умерщвлен и принесен в жертву первому. Оба похороненные были сравнительно высокого роста: длина костяка первого около 1,70 м. (измерено в могиле). Черепа, найденные в обоих погребениях, относятся к брахицефальному, т. е. коротноголовому типу, что видно по результатам измерения (табл. 1).

Таблица 1

Основные размеры черепов из могильника ананьинской культуры в г. Уфе

(По данным проф. С. З. Лукмынова и доц. Г. Ш. Сюндюковой)

Признаки	Черепа	
	из 1-го погребения	из 2-го погребения
Длина черепа	175	180
Ширина „	140	145
Высота „	120	130
Черепной указатель . .	80	80,5
Высотно-продольный указатель	68,5	61,1
Высота лица	73	63
Ширина „	135	140
Верхнелицевой указатель	54,07	45
Емкость черепа, см³ . .	1600	1560

Сравнительно большие и грубые черепа с сильно развитыми надбровными дугами составляли характерную особенность человека ананьинской культуры. Черепа уфимских погребений в основном однотипны с черепами других могильников ананьинской культуры, и, повидимому, они относятся к одной монголоидной расе. Правда, Т. А. Трофимова установила, что среди них иногда встречаются черепа с некоторой примесью длинноголового европеоидного типа [11].

С IV—III вв. до н. э. начинается продвижение сармат к северу. П. А. Дмитриев, исследовавший в 1934 г. один из 15 курганов у с. Киишки, близ г. Уфы, отнес его к группе Прохоровских [12]. М. С. Смирнов в 1921 г. производил раскопку курганов у дер. Аллагуватова в 18 км южнее Стерлитамака. Найденные в них наконечники стрел, железные ножи, кинжалы, мечи, глиняные сосуды, «остатки дерева, которыми, возможно, была покрыта могила», и другие предметы, тоже вероятно, относятся к прохоровской культуре. В Куганакском кладе, опубликованном Н. И. Булычевым в 1904 г., [13] были найдены бронзовые зеркала сарматского типа, бронзовые копья с большими прорезами в перьях, чашка и зеркало. Если при этом учесть еще случайные находки кинжалов, мечей и наконечников стрел сарматского типа в центральных и южных районах Башкирии, то можно придти к убеждению, что передвижение сарматских племен с юга на север имело существенное значение в деле формирования народностей Южного Урала, и оно, несомненно, накладывало свой отпечаток на материальную и духовную культуру населения тех времен.

Особо следует указать на поздние сарматские, а возможно, ранние аланские, могильники на территории Уфы и в ближайших районах от города. Ф. Д. Нефедов в конце XIX в. писал, что «город Уфа построен на курганах». Он насчитывал до 50 курганов «на высоком берегу, где здание духовной семинарии и магометанское кладбище» [14]. Один большой курган из восемнадцати, расположенных на татарском кладбище в

[11] Т. А. Трофимова, Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии, «Советская этнография», 1946, № 3, стр. 64; то же в сб. «Происхождение казанских татар», Казань, 1948, стр. 43—44.

[12] «Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941, стр. 136—140.

[13] «Древности из Восточной России», т. II, 1904.

[14] Ф. Д. Нефедов, Отчет об археологических исследованиях в южном Приуралье, «Материалы по археологии восточных губерний». т. III. М., 1899, стр. 2.

Уфе, был раскопан Р. Г. Игнатьевым в 1867 г. В нем были найдены железные и серебряные предметы, а также бусы [15]. Ф. Д. Нефедов производил раскопку курганов близ с. Тур-Баслы Благовещенского района, в 25—30 км севернее Уфы. В этих курганах находились изделия из бронзы, серебра и железа. По нашему предположению, все эти курганы предшествовали некурганным бахмутино-уфимским могильникам V—VIII вв. н. э., которые характеризуют новый этап в развитии племен бельско-уфимской культуры.

Бахмутинский и Уфимский могильники имеют важное значение для выяснения этногенеза башкирских племен, поэтому остановимся на них несколько подробнее.

Могильник около дер. Бахмутина Покровского района исследован А. В. Шмидтом в 1928 г. [16]. Всего было обнаружено 34 могилы. Глубина могил от 0,81 до 2,02 м, в среднем около 1,35 м. План могильной ямы прямоугольный, несколько суживающийся к ногам, с чуть закругленными углами. Длина ям 1,70—2,35 м, ширина 0,41—0,60 м. Все костяки лежали на спине, руки вдоль тела, и только в двух случаях правая рука была на животе. Ориентировка костяков в 19 случаях на восток и только в 5 погребениях (из них два детские) на запад. В двух погребениях, как отмечает А. В. Шмидт, обнаружены небольшие следы дерева, быть может, остатки от истлевшего гроба. К ритуальным особенностям нужно отнести еще следы меха и мелкие угли. Покойников погребали одетыми и с украшениями; копья клали рядом с покойником, топоры и кельты на животе или в ногах, стрелы в ногах, меч в изголовье. В одном случае топор, наконечник копья и две височные подвески были положены под голову. Горшки ставили в изголовье, или в ноги, или на грудь.

Предметы Бахмутинского могильника А. В. Шмидт распределил на две хронологические группы: более ранние, датируемые V—VI вв., и поздние VI—VII вв. н. э. К первой группе предметов он относил железные топоры, кельты, ножи, удила, пряжки «сармато-готского» типа с длинным язычком, серьги или привески в виде вопросительного знака с сомкнутыми концами и напущенными бусами на нижнем конце, и бусы мелко рубленые, красные. К поздней стадии отнесены кольцевые застежки, привески в виде коньков и бутылок, в виде кольца с выпуклыми «горошинами» по ободу и в виде колесика со спицами, а также серебряные бляхи, витые гривны, сердоликовые и янтарные бусы.

На левом берегу Уфимки, против Бахмутинского могильника, было исследовано селище у хутора В. Чандар. Коньковые подвески, сердоликовые бусы и керамические материалы, найденные на территории селища, подтверждают, что он современен могильнику. Около селища, на возвышенности «Соколиный камень», расположено укрепленное место с земляными валами и рвами, синхронность которого могильнику тоже не вызывает сомнения. В могильнике и на селище найдены круглодонные сосуды. Одни из них имели ямочный орнамент по всей поверхности, на других орнамент был в виде поясков из насечек елочкой или гребенчатого зигзага. По утверждению А. В. Шмидта, керамика чандарского типа вообще широко распространена в северной Башкирии. Таким образом, в районе Бахмутина и В. Чандара был обнаружен комплекс памятников одной и той же культуры.

Характеризуя экономический облик памятника, А. В. Шмидт писал: «Экономическая база этой культуры пока еще не совсем отчетливо проступает перед нами. Некоторые данные, однако, показывают, что были

---

[15] Р. Г. Игнатьев, Памятники достоисторических древностей Уфимской губернии, Справочная книжка Уфимской губ., Уфа, 1883, стр. 348—349.

[16] А. В. Шмидт, Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук, Уфа, 1929.

известны земледелие и домашние животные»[17]. Отсюда можно заключить, что бахмутинцы имели оседлое хозяйство. Разнообразные железные орудия и оружие, бронзовые предметы украшения свидетельствуют о сравнительно развитой металлургии. Янтарные, сердоликовые, различные стеклянные и пастовые бусы, серебряные бляхи и витые гривны свидетельствуют о развитом обмене и торговле. Могильный инвентарь показывает, что среди членов патриархальных семейных общин Башкирии существовала значительная имущественная дифференциация.

А. В. Шмидт отмечал, что «культура типа Бахмутина и Чандара носила хорошо выраженный лесной характер. Она не знает типичных для степи курганных захоронений, и ей чужды погребения с конем»[18]. В то же время Шмидт подчеркнул локальные отличия Чандаро-Бахмутинского памятника от современных ему пермских памятников и сделал заключение «о существовании в Предуралье в эпоху переселения народов двух культурных типов — пермского и башкирского, соответствующих, очевидно, особым этническим группам». Население лесной Башкирии он считал родственным финно-угорским племенам, которые, по его словам, являлись предшественниками башкир северных районов республики[19].

Некоторые железные и бронзовые предметы Бахмутинского могильника встречают себе аналогию в материалах Кошибеевского, Борковского и Кузьминского могильников на Оке и в отдельных материалах пермских могильников. Таковы, например, удила, топоры, так называемые железные кельты, кольцеобразные бронзовые подвески и некоторые формы пряжек. Кроме того, некоторое сходство можно установить и в обрядах захоронения. Локальные отличия Чандаро-Бахмутинского памятника проявляются в керамических материалах, украшениях и предметах культа. Так, например, у бахмутинцев были широко распространены кольцеобразные подвески с круглыми выступами по ободу, подвески в виде колесика со спицами, круглые застежки с железным язычком, круглопластинчатые бляхи с небольшим отверстием в центре, очевидно, символизирующие солнечный диск. Все эти предметы, так же как и бронзовые коньки и амулеты Бахмутинского могильника, в отличие от подобных пермских находок, по своим формам ближе стоят к северокавказским. В последующих веках первого тысячелетия н. э. бельско-уфимская культура еще резче меняет свою форму в сторону сближения с северокавказскими памятниками. Такая эволюция прежде всего бросается в глаза в предметах Уфимского могильника VI—VIII вв.

Обряд погребения, характерный для Уфимского могильника, в значительной мере совпадает с обрядом как Бахмутинского могильника, так и «финских» могильников Прикамья и Приуралья. Покойники были закопаны на глубину 1,5—2 м, они лежали на спине, с вытянутыми руками и ногами, а иногда кисти рук находились на животе или на тазе. В насыпи и под костяками обнаружено много угля, золы и кости животных. Ориентированы погребения в большинстве случаев головой на север или на северо-восток. Некоторых покойников хоронили в гробу. В уфимских погребениях наблюдается искусственная деформация черепов, напоминающая деформацию черепов поздних сарматских погребений. Погребальный инвентарь Уфимского могильника имеет специфические отличия от инвентаря современных ему финских могильников Прикамья и Приуралья. Вот почему можно утверждать, что племена, проживавшие по среднему и нижнему течению рек Белой и Уфимки, испытывали влияние как угрофинских племен северных районов Приуралья, так и южных степных племен. Об этом свидетельствует сходство многих предметов из уфимских погребений с предметами, найден-

[17] А. В. Шмидт, Указ. раб., стр. 25.
[18] Там же.
[19] Там же, стр. 25—26.

ными в могильниках Северного Кавказа. Интересно отметить, что костяки в некоторых погребениях как на Северном Кавказе, так и в Уфимском могильнике № 2 раскопок 1936 г., были засыпаны мелкими круглыми бляшками в виде розетки из тонкой золотой пластинки.

Уфимские золотые и серебряные предметы, янтарные, сердоликовые и стеклянные бусы свидетельствуют о торговых сношениях приуральских племен с югом и с некоторыми областями Азии и Восточной Европы. Они указывают на то, что среди племен, проживавших в Прикамье и Приуралье, в то время появилась потребность в привозных изделиях и, в частности, в предметах роскоши.

Таким образом, изучение Бахмутинского и Уфимского памятников дает основание предполагать, что в середине и во второй половине первого тысячелетия в составе местных племен появились сармато-аланские и угрофинские компоненты, которые впоследствии участвовали в этногенезе башкирского народа. Возможно и наличие гуннских элементов, так как смешение древних обитателей приволжских степей — сарматов с гуннами является несомненным фактом [20].

Исключительно большой интерес для выяснения этногенеза башкирского народа представляет могильник, обнаруженный в 1950 г. в 5—6 км севернее Стерлитамака, между деревнями Левашовкой и Бугоровкой. Могильник был открыт случайно, во время земляных работ на строительной площадке. Географическое положение могильника характеризуется тем, что он находится на рубеже лесостепных и степных районов Башкирии. Могильник расположен в 1—1,5 км от р. Белой, на вершине возвышенности с ровной поверхностью. Каких-либо внешних признаков могил на поверхности земли не было замечено. Глубина могил колеблется между 0,75 и 1,5 м. Костяки лежали на спине, с вытянутыми конечностями, с ориентировкой головой на запад, северо-запад и юго-запад. На обширной площади радиусом до 1 км были обнаружены одиночные или групповые погребения. К последнему типу мы относим находящиеся рядом отдельные погребения, которые, по нашему мнению, принадлежали одной патриархальной семье. В одном женском погребении рядом с костяком женщины лежал костяк ребенка. В погребениях обнаруживался иногда богатый, иногда бедный инвентарь. Кроме орудий труда, оружия и предметов украшения, во многих погребениях встречались кости лошадей, быков и других животных. По словам рабочих, в одном погребении был обнаружен целый скелет лошади.

В мужских могилах часто встречались железные боевые топоры с молоткообразно оттянутыми обухами, палаши, ножи, конская сбруя. Найденные стремена состоят из овальных дужек, соединенных внизу узкими желобчатыми перекладинами для поддержания ноги. Для подвешивания стремени к седлу сверху дужек приделаны плоские расширения с четырехугольными отверстиями. Удила состоят из двух подвижных на кольцах стержней, с прямыми плоскими псалиями и кольцами на концах для прикрепления ремня. Бронзовые бубенчики, слегка сплюснутые,— с вертикальными нарезами и с продольными желобками. Найдено также несколько типов железных наконечников стрел. Встречались поясные наборы — пряжки, бляшки, наконечники ремней и крючки. Кроме того, в мужских погребениях обнаружены глиняные сосуды. Почти все они круглодонные, шарообразные, с невысоким цилиндрическим горлом, орнаментированные вокруг горла ямочным наколом или насечками. В детских погребениях найдены очень мелкие и тонкостенные сосуды с сетчатым нарезным орнаментом на плечиках. Поверхность сосудов сохранила следы лощения. Глина сосудов серая, рыхлая. В одном сосуде была обнаружена шелуха овса.

Особенно разнообразен инвентарь женских погребений, состоящий

[20] А. П. Смирнов, Волжские булгары, «Труды ГИМ», вып. XIX, М., 1951, стр. 19.

из серебряных и бронзовых предметов. Часто встречаются коньковые подвески с утиными лапками на цепочках, серебряные пряжки с неподвижной обоймицей, небольшие бляшки в виде пальметок, круглые и других форм, часто с листовидным орнаментом, наконечники ремней с резным растительным орнаментом или граненой поверхностью, браслеты из крупного прута или пластинчатые с резной гравировкой, перстни со вставным стеклом в щитках и простые, без стекла, с полусферическим щитком, серьги из овального кольца, с каплевидной подвеской. Найдены флаконовидные подвески из синей стекловидной массы, с желтыми глазками в красной кайме и много бус — цилиндрические, граненые, бочковидные, круглые из разнообразных материалов — бронзовые, сердоликовые, хрустальные, стеклянные, пастовые с глазками, глиняные. Среди предметов женского украшения оказались два арабских серебряных диргема VIII в.: абассидский и омайядский. Это позволило с уверенностью датировать памятник VIII—IX вв., что полностью соответствует характеру находок.

Инвентарь могильника показывает, что племя, оставившее этот памятник, имело относительно высокую материальную культуру. Очевидно, оно вело полукочевой образ жизни и занималось прежде всего коневодством.

Почти все материалы, найденные в могильнике близ Стерлитамака, аналогичны материалам салтовских катакомбных погребений на Донце. Таким образом, по обрядам захоронения и найденным предметам Стерлитамакский могильник относится к типичным памятникам позднеаланской культуры. Если в Бахмутинском и Уфимском погребениях отражен синтез двух культурных влияний сармато-аланского и угрофинского, то в Стерлитамакском могильнике аланская культура выступает в более или менее чистом виде. В отличие от салтовских и северокавказских памятников в Стерлитамакском могильнике отсутствуют катакомбные захоронения. Есть между ними различия и в формах глиняных сосудов. Но близость культуры очевидна.

В связи с этим возникает вопрос: откуда появились аланские племена на территории Башкирии, не были ли они пришельцами из южных районов? Допуская возможность передвижения отдельных аланских племен с юга на север, мы все же считаем, что данный памятник отражает переплетение сармато-аланской культуры на месте, т. е. на территории самой Башкирии. Для нас вполне приемлемо предположение Е. И. Крупнова о том, что «мы вправе вполне закономерным признать положение о преемственности поздней, названной аланской, культуры от сарматской, и рассматривать носителей этой культуры как конгломерат племен, ранее объединенных общим именем «сарматы» [21].

Таким образом, могильник, обнаруженный около Стерлитамака, нужно рассматривать как памятник, генетически связанный с местными сарматскими древностями Башкирии. Подтверждением этому может служить однотипность его глиняных сосудов с найденными в 1934 г. в поздних сарматских курганах в районе Стерлитамака [22].

Рассмотренный памятник имеет особенно важное значение потому, что он хронологически приближается к тем письменным историческим документам IX—X вв., в которых впервые упоминается о башкирских племенах на территории Южного Урала.

При изучении этногенеза башкирского народа необходимо учитывать и курганные памятники восточной, зауральской Башкирии.

В 1865 г. в восточных районах Башкирии, южнее г. Миаса, местным краеведом историком Р. Г. Игнатьевым были раскопаны 5 курганов

---

[21] Е. И. Крупнов, Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи, «Археологический сборник. Труды ГИМ», вып. XVII, М., 1948, стр. 46.

[22] «Археологические исследования в РСФСР, 1934—1936 гг.». табл. 23, рис. 1, 3, 11.

из 21 находившихся поблизости[23]. Курганы имели полусферическую форму с диаметром 2—5 м (3—7 аршин) и высотой 0,5—1,2 м (0,75—1,75 аршина). Костяки покойников находились в засыпанных ямах, покрытых известняковыми плитами, которые в свою очередь тоже были засыпаны землей на 0,3 м (0,5 аршина).

В насыпи курганов попадались мелкие угли и древесная зола, кости человека и лошадей. Рядом с костяками найдены железные стремена, удила, обломки серебряной проволоки, два наконечника стрелы, серебряные пряжки, пуговицы с ушком, два серебряных шарика, серебряные и бронзовые бляшки в виде сердечка, золотая серьга и бусина из синего стекла. Из раскопанных курганов четыре оказались разграбленными и только один сохранился в целости, с нетронутой насыпью и плитами; в нем обнаружены два целых скелета, лежащих ногами крест-на-крест, головой на запад, но без всяких вещей. Курганы носят следы коллективного захоронения.

В том же году и примерно в том же районе Р. Г. Игнатьев исследовал еще 2 кургана из 10 расположенных в один ряд, посередине которого находился самый большой из них. В ямах раскопанных курганов оказалось по два-три захоронения. В погребениях обнаружены кости крупных животных (по мнению Р. Г. Игнатьева,— верблюжьи), обломки серебряной серьги, три обломка серебряной палочки, три обломка серебряной круглой бляхи и фрагменты глиняных сосудов графитового цвета.

Материалы, найденные в этих курганах, были опубликованы Н. И. Булычевым («Древности из восточной России»), но культурная принадлежность их никем еще не определена. Только Р. Г. Игнатьев, учитывая наличие «верблюжьих» костей в этих курганах, предполагал, что «курганы принадлежат пришельцам азиатским, но эти пришельцы все-таки долго пожили в здешних местах, когда оставили целые кладбища»[24].

Из найденных материалов наиболее характерными являются железные стремена — с овальным подножием и пластинчатыми или четырехгранными дужками, с прорезным овальным подножием, с прямой или вогнутой подножкой и высокой прямоугольной петлей для ремня, а также железные удила из круглых или граненных в сечении стержней с эсовидными или плоскими прямыми мундштучными частями. Все эти предметы хорошо известны по курганным материалам Южной Сибири[25] и енисейских кыргызов[26], которые датируются VII—IX вв. Аналогичные стремена и удила, датированные Б. А. Рыбаковым VIII в. н. э., были обнаружены близ Днепровских порогов в древностях уличей[27].

Исходя из сказанного, можно полагать, что курганы, изученные Р. Г. Игнатьевым в восточной Башкирии, по некоторым элементам культуры близки южносибирским курганам. Иными словами, это дает основание допустить, что в сложном процессе формирования башкирского народа и его культуры участвовали и племена, которые находились в контакте с тюркскими народностями Южной Сибири.

Примерно в том же районе восточной зауральской Башкирии, в окрестностях с. Кизникей, в 1927 г. А. В. Шмидт производил раскопку трех низких, почти распаханных курганов у подножья горы Бугор. «Курганы

---

[23] «Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866 и 1867 гг.», Уфа, 1868.

[24] Р. Г. Игнатьев, Археологические находки в курганах в землях Миасских золотых приисков, стр. 37.

[25] С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 292—293.

[26] Л. А. Евтюхова, Археологические памятники Енисейских кыргызов (хакасов), Абакан, 1948.

[27] Б. А. Рыбаков, Уличи, «Краткие сообщения ИИМК», XXXV, М.—Л., 1950.

оказались перерытыми, очевидно, с целью грабежа. Тем не менее сохранившиеся предметы дают возможность датировать эти курганы IX—X вв. н. э. Таким образом, эти курганы являются одними из немногих научно раскопанных позднекочевнических захоронений зауральских степей». В курганах обнаружены «наконечники стрел, копий, кольчуги, сабли, шишак; кольчуги и некоторые другие предметы изломаны, вероятно, в результате гробокопательских поисков. Стремена, удила, конские остатки свидетельствуют о роли лошади. Воинственный конный народ — вот как, повидимому, следует характеризовать племя, следы которого обнаружили раскопки академической экспедиции» [28].

Для выяснения интересующего нас вопроса должны быть привлечены и курганные памятники юго-восточной, южной и юго-западной Башкирии. Еще П. С. Паллас во время своего путешествия писал, что «между каменными горами по ту сторону Самары есть много сложенных из камней могильных холмов, на которых наставлены каменные болваны» [29]. Большинство каменных изваяний, часто встречавшихся на территории бывших Оренбургского, Орского и Троицкого уездов [30], принадлежит кочевым племенам.

В 1880-х годах прошлого столетия Н. Малиев производил раскопку кладбища на правом берегу р. Демы близ д. Ильчегулова, в нынешнем Миякинском районе Башкирии. Описывая этот памятник, он сообщал: «Кладбище... расположено на ровной местности... Большинство могил сравнялось с уровнем окружающей почвы. Только некоторые могильные насыпи возвышались над окружающим на поларшина или несколько более и были обложены кругом камнями, стоявшими, очевидно, сначала боком, стоймя,— вроде надгробных памятников... Более высокие могильные курганы, принадлежащие, как можно думать, судя по раскопкам, именитым людям, имели в длину 7 аршин, в ширину 5—5$^1/_2$ аршин. При разрытии кости человека и другие вещи находимы были на глубине 2—3 аршин и обыкновенно не прямо на дне могилы, а для отыскания их нужно было углубляться несколько в сторону... Кроме костей человека, лежавшего обыкновенно с вытянутыми вдоль тела руками, таким образом, что голова была обращена к востоку, а ноги к западу, в некоторых могилах найдены были и кости лошади (голенные и плюсневые), а также и некоторые другие предметы. В одной могиле с более высокою могильной насыпью нашлись рядом с костями человека остатки седла, железные удила, железное стремя, в другой — остатки полусгнившей дубовой доски... Кроме остатков седла и лошади в некоторых могилах найдено также несколько медных вещей... застежки..., медная с каменной привеской серьга и т. п.» [31]. Это описание дает возможность полагать, что данные курганы принадлежат поздним кочевникам.

Изучение археологических материалов показывает, что формирование башкирского народа шло в процессе скрещивания и взаимодействия различных, в большинстве случаев родственных племен, которые в результате длительного исторического развития приобщались и сближались в хозяйственном, бытовом и культурном отношении, превращаясь постепенно в одну народность.

О том, что башкирский народ складывался в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни различных племен, свидетельствуют не только археологические, но и этнографические данные. Башкиры как по физическому типу, так и по диалектам разговорной речи не представляют собой чего-либо единого, а в различ-

[28] «Уральское краеведение», вып. 1, Свердловск, 1927, стр. 93.

[29] П. С. Паллас, Путешествие по разным местам Российского государства, кн. 1, 1770, стр. 332—333.

[30] И. А. Кастанье. Древности Киргизских степей и Оренбургского края, Оренбург, 1910.

[31] Н. Малиев. Антропологический очерк башкир, «Труды Об-ва естествоиспытателей при Казанском ун-те», т. V, вып. 5, Казань, 1876, стр. 8—9.

ных районах республики имеют свои специфические особенности. На основе анализа физического типа башкир различных районов С. И. Руденко разделяет их по трем областям. В первую, восточную область входят: «катайцы зауральские, кара- и барын-табынцы, тамьяно-табынцы и бурзяно-усергане. От остальных башкир они отличаются более темной пигментацией, некоторой наклонностью к коротконогости, большей короткоголовостью, несколько большей относительной шириной носа, наклонностью к широколицести, при абсолютно бóльших размерах скулового диаметра, сравнительно большей длиной и оттопыренностью ушей. Вторая область занимает юго-западную и центральную часть Башкирии. Живущие здесь башкиры — кипчаки, минцы, табынцы и юрматынцы — по своим антропологическим признакам почти не отличаются от средних, полученных нами для всех башкир». Этот тип как бы составляет промежуточное звено между типами башкир северных, северо-западных, южных и восточных районов. В третью область «входит вся северная, уфимская и пограничная ей пермская Башкирия, а также северная часть башкирского Урала. Для башкир третьей области — инзер-катайцев, кудейцев, айлинцев, кайлино-каршинцев, западной и северо-западной группы — характерны: значительная примесь смешанно пигментированных, наклонность к длинноногости, весьма умеренная короткоголовость, сравнительная узконосость, более узкое и удлиненное лицо при небольшой ширине лица и сравнительно короткое, менее оттопыренное ухо» [32].

Такое различие между башкирами, по мнению С. И. Руденко, объясняется тем, что на севере и западе они смешались с мещеряками, тептярями, казанскими татарами и отчасти удмуртами, чувашами, мари и пермяками. На юге, юго-востоке и в Зауралье башкиры были в контакте с сибирскими татарами, казахами, ногайцами, калмыками и другими среднеазиатскими народами. Но есть башкиры, живущие по правую сторону р. Белой, ниже г. Уфы, и отчасти в горах Южного Урала, которые меньше всего смешаны с соседними народами и в то же время отличаются относительной длинноногостью, весьма умеренной короткоголовостью (доходящей до мезокефалии), сравнительной узконосостью и узколицестью. Повидимому, эти башкиры являются потомками древних длинноголовых обитателей Южного Урала [33].

В дореволюционной Башкирии существовала разница между башкирами различных районов в хозяйстве и в быту.

Различия в физическом типе башкир и в их диалектах, разница в хозяйстве и в быту, очевидно, связаны не только с влиянием соседних народов в позднее время (хотя оно имело немалое значение), но и с пережитками более древних времен, когда башкирский народ только что начинал складываться из различных аборигенных племен Южного Урала. Несомненно, этот процесс шел в тесной взаимосвязи с ходом истории народов и племен Восточной Европы, Средней Азии и Сибири. Поэтому при складывании башкирского народа немалую роль сыграли и те соседние народы, которые с древнейших времен соприкасались с племенами Южного Урала. На северо-западе и западе башкиры были в близких взаимоотношениях с племенами и народностями Прикамья — Поволжья и прежде всего с булгарами. Как известно, восточная граница Булгарского государства временами доходила до рек Белой и Яика [34]. Некоторые башкирские племена платили подати Булгарскому государству и вели с ним торговлю. К тому времени относится клад земледельческих орудий, найденный около дер. Хозятова в Чишминском

---

[32] С. И. Руденко, Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. I, Птг., 1916, стр. 264—265.

[33] С. И. Руденко, Указ. раб., стр. 144, 163, 164, 269, 270.

[34] А. П. Смирнов, Очерки по истории древних булгар, «Труды ГИМ», вып. XI, М., 1940, стр. 81.

районе Башкирии. Там были найдены железный лемех, железный резец от плуга, две железные косы, мотыга, серп, два топора. Среди родоплеменных групп башкир, перечисленных П. И. Рычковым в книге «Топография Оренбургская...» (1762), имеются бюлярцы, которые, вероятно, были выходцами из Волжской Булгарии. В Чекмагушевском районе Башкирии имеется деревня Болгары. Такое название наводит на мысль: не являются ли жители этой деревни потомками волжских булгар?

Некоторые родо-племенные названия башкир сходны с родо-племенными названиями среднеазиатских народов и прежде всего с киргизо-казахскими, как, например, мин, табын, кипчэк, тамьян, гирей, тазлар, киргиз, туркмен, сартлар и др.[35] Как известно по Масуди, еще в древности племенные названия печенегов «баджнак» и «баджане» были очень сходны с племенным названием «башкир» — «баджгард». Кроме того, основные формы башкирских тамг совпадают с основными тамгами других народов тюркского происхождения и, что интересно, они почти идентичны с древним орхонским алфавитом[36]. С. Е. Малов в своей работе «Тюркизм в языке „Слово о полку Игореве“» объединяет в одну языковую группу (для раннего времени) башкир, печенегов, половцев, караимов и кипчаков[37]. Учитывая эти факты, можно полагать, что некоторые этнические элементы башкир имеют общее родство с другими тюркоязычными народами Средней Азии и, быть может, Алтая.

Остановимся теперь на мадьярском элементе в этногенезе башкир, так как этот вопрос получил широкое отражение на страницах исторической литературы. У некоторых восточных писателей слово «мадьяр» отождествлялось со словом «башкир», так как мадьяры и башкиры принимались за один народ, почему и сам край, обитаемый башкирами, назывался Великой Венгрией. Историк ибн-Русте (X в.) писал: «Между землею печенегов и землею болгарских эсегель лежит первый из краев мадьярских. Мадьяры эти — тюркское племя... Живут они в шатрах и перекочевывают с места на место, отыскивая кормовые травы и удобные пастбища»[38]. О сходстве мадьярского и башкирского языков в свое время писали западные путешественники — Плано-Карпини, Рубрук и другие.

А. В. Шмидт, производивший археологические раскопки в Башкирии в 1928 г., писал: «...возможно, именно в этой области нам следует искать родину венгров, точнее — ту лесную землю, из которой они вышли в широкие степные равнины юга, странствия по которым привели, в конце концов, этот народ в низменность Дуная»[39]. С. П. Толстов тоже предполагает, что: «потомки этих восточных мадьяр принимают впоследствии участие в этногенезе башкир, самое имя которых является закономерным вариантом имени мадьяр, и в этногенезе узбеков, в составе которых до ныне сохранилось племя — „маджар“»[40].

Судя по всему, племена древних мадьяр или маджар зародились где-то в Приуралье или Прикамье и уже тогда испытывали до такой степени сильное влияние тюркских народов, что во многом восприняли их облик, обычаи, нравы и язык. Константин Багрянородный относил мадьяр к тюркским племенам и считал соплеменниками булгар и пече-

---

[35] Д. Н. Соколов, О башкирских тамгах, «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. XIII, стр. 3.

[36] Там же, стр. 74—75.

[37] Известия АН СССР, т. V, вып. 2, 1946, стр. 131.

[38] Д. А. Хвольсон, Известия Ибн-Даста, СПб., 1869, стр. 25—26.

[39] А. В. Шмидт, Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук, стр. 15—16.

[40] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 246.

негов[41]. В венгерском языке в настоящее время имеется очень много тюркизмов. По подсчету В. Г. Егорова, в нем сохранилось до 200 древнебулгарских слов[42]. Необходимо отметить также, что в числе восьми племен венгров, перечисленных Константином Багрянородным, имеется племя «курти-гермата»; это название почти совпадает с названием башкирского племени «юрматы»[43]. В Кармаскалинском районе Башкирии имеется башкирское село Бишаул-Унгарово, происхождение которого некоторые местные жители связывают с угро-мадьярами.

Можно полагать, что угро-мадьяры были в близких взаимоотношениях с другими племенами Южного Урала и, быть может, играли некоторую роль в этногенезе башкирского народа. Конечно, нельзя отождествлять башкир с мадьярами, как это делали некоторые историки. Мадьяры участвовали в этногенезе башкир лишь в комплексе с другими племенами и не играли ведущей роли в складывании башкирского народа.

* * *

Итак, анализ археологических памятников Башкирии позволяет установить, что башкирский народ складывался главным образом из местных родо-племенных групп Южного Урала.

В этногенезе башкир участвовали различные родо-племенные компоненты, среди них сармато-аланские, угрофинские, тюркские и другие этнические элементы. Следует подчеркнуть, что примерно с середины первого тысячелетия н. э. преобладало влияние сармато-аланских племен. При этом складывание башкирского народа нельзя понимать как механическое объединение родо-племенных групп Южного Урала, а необходимо представлять его как длительный и сложный процесс исторического развития.

В своем гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин отмечает, что «элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства»[44]. Исходя из этого указания товарища Сталина, можно полагать, что процесс тюркизации языка южноуральских племен начался еще в глубокой древности; скрещивание и взаимосвязи их с другими тюркскими народностями еще усилили этот процесс. Если в эту среду вливались угрофинские элементы, то они не могли изменить общего хода развития, так как «при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»[45].

Характеризуя основные признаки нации, И. В. Сталин пишет: **«Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»**[46]. Это определение товарищем Сталиным нации мы должны учитывать и при разрешении вопросов этногенеза народов.

Таким образом, при выяснении этногенеза башкирского народа необходимо прежде всего изучать развитие аборигенных племен Южного Урала, но не упускать при этом из виду и общий ход развития народов Восточной Европы, Средней Азии и Сибири в целом.

---

[41] Ю. Готье, Железный век в Восточной Европе, М.—Л., 1930, стр. 135.
[42] В. Г. Егоров, Этногенез чувашей по данным языка, «Советская этнография», 1950, № 3, стр. 82.
[43] См. «Известия ГАИМК», вып. 91, М.—Л., 1934, стр. 18.
[44] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 26.
[45] Там же, стр. 29—30.
[46] И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 296.

Вместе с тем товарищ Сталин указывает, что «нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец» [47].

В настоящей статье мы осветили лишь первоначальный период складывания башкирского народа, когда он еще не представлял собой единой народности в полном смысле слова. Для выяснения дальнейшего процесса формирования и развития башкирского народа необходимо привлечение не только археологических данных, но главным образом этнографических материалов и изучение литературных источников в неразрывной связи с историей народов СССР. Важное место в выяснении этногенеза башкир займет история башкирского языка, которая, к сожалению, еще не изучена и не освещена в литературе.

---

[47] И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 297.